

Установа “Дзяржаўны музей гісторыі беларускай літаратуры”
Філіял “Літаратурны музей Максіма Багдановіча”

Артыкул
“Письмо Петра Гапановича сестре Вере (К биографии Максима Богдановича)”
(часопіс “Нёман” № 7, 2020 год)

Аўтар:
загадчык філіяла
Бараноўскі Міхаіл Аляксандравіч

Мінск 2020

В фондах Литературного музея Максима Богдановича хранится большое количество материалов, связанных с жизнью и творчеством поэта, - эпистолярные, воспоминания, документы. Многие из них уже опубликованы, некоторые по той или иной причине малоизвестны, либо известны фрагментарно: по приведённым из них цитатам. В числе последних - письмо Петра Гапановича сестре Вере. Между тем, упомянутое письмо может прояснить некоторые события, связанные с жизнью Богдановича, поможет воссоздать логику событий, которые до этого времени имеют противоречивые толкования.

Автор письма - Пётр Иванович Гапанович (1890-1952), двоюродный брат Максима Богдановича, сын родной сестры Адама Богдановича Магдалины. Родился он в Минске, но потом вместе с родителями переехал в Нижний Новгород, где окончил Нижегородскую мужскую гимназию. Далее учился в Демидовском юридическом лицее в Ярославле и жил во время учёбы в семье дяди Адама. Как видим, из этой совсем короткой биографической выдержки, кузены Максим и Петр были довольно близки: обучались параллельно в тех же самых учебных заведениях и даже некоторое время проживали в одном доме в соседних комнатах. Соответственно, хорошо знали друг друга и много времени проводили вместе. Особенно сблизились они в лицейский период жизни Максима Богдановича.

Адам Егорович, отец поэта, даёт своему племяннику такую характеристику: «Рассудительный, холодноватый, бесподобно владеющий силлогизмом, тончайший логик, умеющий из-под оболочки вылущить сущность всякой вещи». Максим же, по словам отца, был полной его противоположностью: «Горячий, страстный, почти одержимый, увлекающийся образами, красотой, формой, силой чувства, а не логическими построениями, и потому беспорядочный, бурный и стремительный». Но, несмотря на различия в характерах, бесконечные споры по национальному вопросу и другим моментам, именно Пётр Гапанович стал для Максима «конфидентом», с которым можно было поделиться самыми тайными мыслями и переживаниями.

После нескольких таких важных разговоров Пётр пишет письмо своей сестре Вере, где излагает свою «рассудительную» и «холодноватую» интерпретацию того, что беспокоило Максима в начале 1915 года.

Ниже приводится упомянутое письмо с небольшими комментариями, которые, надеюсь, помогут лучше понять происходящее.

“Догорая сестра. Совсем особаго рода обстоятельства вынудили меня писать ныне предстоящее твоему взору. Предварительная оговорка: из дальнейшего ты увидишь, что отнюдь не случаен мой выбор: обеспокоить именно твое внимание. Полагаю, что во всех смыслах удобнее будет, если в подлиннике письмо это прочтешь только ты, как лицо в сем случае наиболее нейтральное и, как издали мне кажется, наименее заинтересованное. Все остальные пусть будут осведомлены лишь с твоих слов, при чем изложение твое пусть будет приноровлено к лицам и обстоятельствам, дабы избежать пересуд и кривотолков, а к ним весьма склонны иные из наших близких, не принадлежащих к семье. Впрочем делаю эту оговорку лишь из

предосторожности, а в остальном ты решишь лучше меня, кому можно и кому нельзя быть в сем деле вполне осведомленным. Итак я начинаю.

Разговор идет о нашем cousin'e М. За последнее время мы с ним очень хороши, чему ты поверишь вероятно с трудом. Неизменно верный или лучше – неизменно инертный в раз принятом направлении он ныне докатился до тупика. Его годы, и это вполне естественно, предъявляют ему обычные вполне определенные житейские требования, и он теперь ясно почувствовал всю свою житейскую несостоятельность. Сын своего отца, выросший в дурных условиях, которые позволяли ему пренебрегать всем тем, что делает человека приемлемым в обычном ***** /зачеркнуто примерно 13 знаков/ общежитии, он бьет отбой и ищет кризиса. Гипертрофированное увлечение отдельными сторонами литературы и слишком завязанное отношение к «самостийной» Белоруссии без остатка поглощали все его заботы и все внимание. Он запирался в своей комнате, зарывался в эти вопросы и в такой плотной двойной оболочке, изолированный от житейского, прожил все последние годы. Результаты не заставили себя ждать. У него вырос только один бок, или, лучше сказать, получился человек с одним искусственным нутром без всякой наружи. И это, давно ясное для сторонних, теперь, на рубеже взрослых годов понял и он сам. Жениховский возраст и тяготения заставили его призадуматься и теперь он наконец убедился, что житейские достоинства человека заслуживают лучшего и более бережного отношения, чем то, которого он придерживался. Он понял свою непригодность к общежитию, он почувствовал насколько он тяжел для окружающих. Он подумал и увидел, что умение хорошо и просто одеваться, уверенно встречать знакомого, с тактом вести себя в отношениях с людьми и целая тысяча всяких других навыков этого же ряда в сущности вовсе не такие уже грошовые вещи, как он доселе полагал. Теперь его тянет к людям, или уж *disons le mot**/скажем так/, тянет к женщине, но самостийная Белоруссия на этот случай явно непригодный путь для подхода ***** /зачеркнуто приблизительно 12 знаков/ остальные же пути закрыты.

Так обрисовывается его нынешнее состояние и отсюда истекает его решение: бросить дом своего отца и Ал. Афанасьевны и на стороне начать новую жизнь. Составление проектов началось вот уж тому два-три месяца, и я должен был выступать консультантом по тысяче разных практических вопросов, а в разговорах по этому поводу выяснилось все то, что я выше изложил.

Сначала предполагалось обосноваться в какой-либо местности в Крыму, но по детальном рассмотрении свойств и особенностей каждой, оне были признаны мало пригодными. Затем точно также были пересмотрены города Белоруссии, и точно также каждый из них оказался с весьма существенными недостатками. Если уж ставить точку над і, то все сводилось к тому, что ни там, ни здесь не оказалось людей, на которых можно было бы рассчитывать, что они по-христиански возьмут на себя заботы о нем, будут достаточно примерны, чтобы являть собой образец достойный подражания, и в то же

время были бы ценны, как люди, чтобы в обществе их могло шириться и крепнуть, стимулируемое извне, устремление в новую жизнь.

Теперь, сестрица, если ты осведомлена, чьей нежной рукой ранено безнадежно сердце нашего cousin'a M., то конечно догадалась, что в конце концов (несколько дней тому назад) мне был предложен прямой вопрос, как я смотрю на возможность обосноваться у нас в семье. Я ждал этого вопроса со дня на день и поэтому вполне подготовленный, весьма мягко и дипломатично объяснил всю химеричность и заведомую неосуществимость такого проекта. (А *propos** /кстати/, о затронутых сердечных делах кое-что тебе может рассказать, если не сама Нюта, то матушка. Я, кабы было время, насплетничал бы вам целую гору.)

Думаю, что на этом последний план и кончится, и фамилия наша останется в стороне от себялюбивых покушений на ее спокойствие. Может быть вам там теперь думается, что я совсем от вас отмежевался и забыл. Это не верно. Теперь гораздо сильнее я чувствую мою ко всем вам привязанность, и, доведись мне снова жить вместе со всеми, вы видели бы это по делам.

Меня взбудоражила затея M. И я не могу быть спокоен, пока он не уgomонится. С вас достаточно, как некуда, ваших обычных забот, а что касается моей сестры, которую я так люблю, то желал бы ей общества лучших воздыхателей, если уж без них нельзя.

Пишу, чтобы предупредить. Тревога вероятно окажется фальшивой. Поэтому не лучше ли, пока опасность прямо не угрожает, письма этого гласности не предавать. Но при всяких условиях оно не должно быть известно дальше вашего порога, ибо дело касается слишком деликатных личных отношений. Создавать преждевременную почву для ссор не к чему. Тетку Машу не осведомляйте о содержании письма.

Между прочим не считаю исключенной возможность «обхода фланга». Полагаю, что, в случае желания, для M. не составит труда обосноваться в семействе странопримной тетки. Цели будут те же, и вам на этот случай придется, убрав радушие в глубокий тыл, двинуть из резервов дипломатии соответствующая подкрепления в сторону обхода.

В случае, если бы вы получили от M. письмо с запросом об отношении к его плану устроиться у вас, непосредственно ему сами не отвечайте, а пишите лучше через меня. Мне это удобнее и виднее. Такое поручение меня не затруднит и даже будет приятно.

Извини, что не пишу ничего о себе. Слишком уж запущено тут все и изложение заняло бы фолианты.

Не напишешь ли что-нибудь о себе и прочих. Часто вспоминаю про твою дочку, а мою крестницу. Хотел было прислать через Нюту ей летний презент, но вероятно ничего не выйдет по причине полного финансового краха. (с 10 апреля проживаю уж июньское жалование.) Возмутительно, но ничего не поделаешь.

Временно опять закурил. Скоро брошу. Умею теперь так варить кофе, что удивил бы всех без исключения питерских кофейниц.

Если бы паче чаяния объявился в один прекрасный день призыв ратников 2-го разряда в граде Нижнем, безотлагательно телеграфируйте по адресу, которого я пока и сам не знаю, ибо завтра утром переезжаем на новую квартиру.

Затем прощай. Мысленно лобызаю длань.

Петр Гапанович.

6 мая 1915г. 1 ч 30 м. ночи на 7-е.

Письмо отправлено по адресу: Нижний Новгород. Похвалинская улица, Пивоваренный переулок, дом 3. Вере Ивановне Кунцевич

С фрагментом этого текста широкая публика познакомилась благодаря статье «В Горьком» Нины Борисовны Ватаци, опубликованном в ее книге «Пути» /«Шляхі»/. Нина Борисовна осторожно обошла самые резкие моменты и сосредоточила внимание на желании Максима вернуться на родину. Вместе с тем, нам известно, что Богданович уже через месяц после написания этого письма кузеном отправляется в Крым, где знакомится с Клавдией Салтыковой, отношения с которой описывает в своих дневниковых записях; сейчас эта рукопись 1915 года (известная также как «Интимный дневник») хранится в Литературном музее Максима Богдановича. Если продолжить рассматривать события в этом контексте, то и переезд в Минск в 1916 году мог быть связан с попыткой устроить личную жизнь. Как известно, Максим Богданович переписывался с Вандой Левицкой, и есть основания полагать, что именно желание лично познакомиться с ней ближе послужило одной из причин переезда на Родину.

Упорство в интимном вопросе отмечает и автор неатрибутированных воспоминаний о Богдановиче, найденных Иваном Владимировичем Соломевичем (исследователь приписывает их Леонарду Зайцу): «Богданович очень любил детей. Его наибольшим желанием, даже, как он говорил, целью его жизни было – иметь своего ребенка. Этот факт заслуживает особенного внимания. Он, мне кажется, был той осью, вокруг которой крутились события последних лет и дней его жизни». Эти воспоминания, а я привёл самый дипломатичный отрывок, на первый взгляд могут показаться довольно сомнительными, если бы не свидетельства, вроде письма Петра Гапановича.

Часть «плана» мы можем отчетливо проследить и в произведении выдающегося белорусского литератора Михася Стрельцова «Загадка Богдановича», которая вызвала в своё время бурную реакцию родственников Нюты Гапанович, именно о ней и ведётся разговор в письме. Интерпретация писателя показалась родным неоправданно тенденциозной, но общий тон письма как раз к этому и подталкивает: расчёт, холодность и определённая толика цинизма там действительно прослеживается. Вместе с тем выдержки, которые приводит Стрельцов, и отсутствие знаний о других обстоятельствах жизни поэта, несколько сузили понимание ситуации. Про какое «безнадёжно раненое сердце» можно говорить, когда через несколько месяцев события будут развиваться совсем в ином ключе.

Письмо Петра Гапановича, несмотря на субъективизм, является хорошей возможностью глянуть на мир глазами Богдановича и попробовать воссоздать те, иногда необъяснимые импульсы, которые наполняли жизнь этого гениального человека.

Из-за малого количества фактических сведений и воспоминаний непосредственных участников тех далёких событий, многие факты биографии и личной жизни Максима Богдановича имеют неоднозначные трактовки, это же касается и мотивов поведения знаменитого писателя. Надеюсь, приведённые сведения помогут более обоснованно делать те или иные выводы. Нам же остается продолжать поиск и ждать, что со временем будут открываться новые подробности, чтобы воспринимать талантливую поэту наименее искаженно.